

О. Н. ГРОНСКАЯ

Нижегородский пединститут

**ФУНКЦИИ ИМЕННОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ
С КОНСТИТУЕНТОМ — ИМЕНЕМ
СОБСТВЕННЫМ ОККАЗИОНАЛЬНЫМ
В ТЕКСТАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК**

Определяется семантическая и словообразовательная специфика конституентов — имен собственных, их референциальные функции в данном типе текста. Имя собственное рассматривается как репрезентант уникального объекта, имя же нарицательное отражает класс объектов реального мира.

Комплекс языковых средств, осуществляющих в целом тексте функции референциальной соотнесенности элементов этого текста с типичной моделью возможного мира (художественная изображенная коммуникация есть явление вторичной моделирующей системы), прежде всего представлен системой глагольных лично-временных форм, системой местоимений и локально-темпоральных указателей, а также системой собственных имен [1].

Тексты литературных сказок имеют сложную и во многом уникальную систему реализации задач художественной коммуникации, которые характерны для этого жанра литературы, сочетающего в себе элементы художественной коммуникации двух родственных, но не идентичных и во многом противопоставленных друг другу систем: фольклорной и собственно литературной. Эти планы, соответственно реализующие в литературно-сказочных текстах прагматику фантастики и реальности, т. е. репрезентирующие два типа возможных миров в пределах одного семантико-прагматического текстового целого, тесным образом связаны с планом субъекта, создающего текст, — автором, который выступает как творец и «переключатель» планов текста, связанных с типами коммуникаций — фольклорной и литературной. Наличие в таких текстах значительного количества окказиональных, часто антономасичных или намеренно «темной» семантики собственных имен, введенных в текст через речевой план образа автора, свидетельствует о том, что, с одной стороны, в текст возвращается древнейшая ситуация соответствия содержания имени денотата антропо-, зоотопонимической природы его действительным свойствам [2]. Такие имена (Wilwifchen, Prätextatus, Schlurker) содержат прозрачную свернутую предикацию, восстанавливаемую из самого слова, минимального контекста — словосочетания и из большего контекста — предложения, абзаца, текста. Окказиональные собственные имена универбального типа вводятся в текст предложением с мотивирую-

щими словесными элементами, соответствующими теме и реме этого предложения, которые затем тематизируются и сворачиваются в одно слово: «Mein Kind *will wissen*». — «So soll die Prinzessin heißen», sagte der König; «sie soll Prinzessin *Willwissen* heißen, weil die sterbende Mutter so angeredet» (Cl. Brentano). Это явление, называемое нами синтактико-лексическим параллелизмом, описано у Л. В. Сахарного [3] и Н. Л. Гильченоч [4]. Окказиональное имя собственное такого типа не только референциально, но и предикативно, так как оно не только номинирует в тексте некий денотат, связывая его с моделью действительности, но и содержит в компрессированном виде необходимую информацию об этом объекте, связанную с семантикой основ, составляющих окказиональное слово. Кроме того, такое имя собственное содержит информацию об отношении номинирующего субъекта, т. е. автора, творящего текст, к этому денотату. Природа денотата такова, что для его обозначения активизируется одна из двух тенденций, связанных с употреблением любого слова в речи (к воспроизводимости и конструируемости), в данном случае — тенденция к конструируемости слова. Доминирование тенденции к частой конструируемости слов в текстах литературных сказок выражается в морфологическом моделировании имен собственных и в образовании с ними специфических именных словосочетаний: Herr von Pudelbeißmichnicht (Cl. Brentano), das Kraut Niesmitlust (W. Hauff), das Ländchen Mausolien (E. T. A. Hoffmann), что не соответствует положению вещей в системе узуальных собственных имен, для которых характерна как раз низкая степень конструируемости [5].

Затем, после того как окказиональное имя собственное было введено в текст через предложение, оно начинает функционировать в тексте в составе словосочетания, представленного группой имени нарицательного и окказионального имени собственного, актуального только для данного текста. Минимальная единица малого синтаксиса, двучленное именование словосочетание, представляет собой минимальный контекст, в котором реализуется значение и смысл окказионального слова. Словосочетанием завершается грамматическая «триада» существования окказионального имени собственного в тексте литературной сказки: предложение — слово — словосочетание. Вне словосочетания окказиональное имя собственное может потерять или не полностью реализовать свой смысл, так как из-за причудливости формы и содержания невозможно соотносить его с каким-либо классом денотатов: Eilegia (Cl. Brentano), Sekakis (E. T. A. Hoffmann), Klapperschnabel (W. Hauff) — die Königin Eilegia, der König Sekakis, Frau Klapperschnabel. Вне словосочетаний невозможно декодировать ни значение, ни смысл, ни класс денотатов, обозначенных этими в разной степени «темными» словами.

Другой случай нормативного, необходимого употребления

окказиональных собственных имен в словосочетании с узуальным именем нарицательным связан с контекстуальным переводом имени нарицательного узуального в разряд окказиональных собственных имен: *der Zwerg Nase*, *die Prinzessin Nachteule* (W. Hauff), *der Teufelskerl von Nekromant*, *der Geisterfürst Phosphorus* (E. T. A. Hoffmann), *die Prinzessin Liebseelchen*, *die Prinzessin Trübseelchen* (Cl. Brentano). Много примеров такого рода связано с зоонимами — окказиональными именами зверей в текстах литературных сказок. Заметим, что зоонимы сказки, как народной, так и литературной, функционально и через речевой план приближены к антропонимам. Например, у Гауффа — имена (или фамилии) говорящих аистих: *Frau Klapperschnabel* и *Frau Langbein*; две антропонимизированные блохи в текстах Брентано и Гофмана соответственно названы *Baron von Hüpfenstich* и *Meister Floh*.

Из приведенных выше примеров очевидно, что словосочетания «имя существительное нарицательное узуальное + имя существительное собственное окказиональное» способны «...впитать в себя содержание, которое могло бы быть выражено в распространенном или даже сложном предложении» [6], т. е. к нему в полной мере применима характеристика, данная В. Г. Адмони субстантивным словосочетаниям. Рассматриваемые словосочетания образуют в тексте единство с актуальной семантико-прагматической структурой, в миниатюре отражающей общий принцип текстообразования литературной сказки: неустойчивое равновесие стихий реальности и фантастики. По форме и по содержанию эти словосочетания являются подчинительными. Наричательное имя играет роль целого, соответствует реальному классу денотатов, а собственное выступает как его часть. Атрибуция осуществляется по принципу «часть через целое», т. е. окказиональный, единичный, уникальный денотат, актуальный только в мире литературной сказки, реферируется через класс реальных узуальных объектов. Например, единичный и уникальный денотат имени *Willwüßchen* («нигде, ни в одном мире больше нет и не может быть таких принцесс») определяется через класс денотатов «принцесса» с его неограниченным количеством референтов во множестве возможных миров, т. е. с неограниченным экстенционалом; словосочетание *Prinzessin Willwüßchen* в рамках текста представляет экстенционал с единственно возможным единичным референтом. Тесная связь обоих конститuentов словосочетания, невозможность их введения в текст друг без друга, отношение атрибутивной партитивности — все это, кроме формальных признаков, характеризует их как словосочетания подчинительного типа.

Узуализовавшись в тексте в составе словосочетания, конститuentы его, однако, могут выступать и отдельно, как контекстуальные синонимы. Например, в тексте сказки К. Брентано «*Барон фон Хюpfенштих*», примеры из которого уже приводи-

лись,— ситуация ввода окказионального слова через предложение. Далее в этом же тексте находим: Und so wuchs *die Prinzessin* und der Floh heran, ohne sich persönlich zu kennen; der Floh war schon so groß geworden wie ein Rind und *Willwischen* sechzehn Jahre alt... В данном случае оба слова (гипероним и окказиональное собственное имя, входящее в данном контексте в его поле) употреблены в рамках одного сложного паратактического предложения; однако в составе двух дистантных (между ними два элементарных предложения) предложений, в каждом из которых слово, ранее встречавшееся в составе словосочетания с размытой границей между словом и словосочетанием, выступает как самостоятельный и семантически репрезентативный член данного предложения; в рамках же сложного предложения как целого являются контекстуальными синонимами, каждый из которых может быть соотнесен и заменен кореферентным местоимением *sie*: Nun hätte *sie* längst gern gewußt, was der König nur immer in seiner Schlafkammer verborgen habe; denn nie wollte er *sie* niederlassen... (Cl. Brentano). Возможность их функционирования в тексте как гипо-гиперонимических синонимов появляется только после: а) введения окказионального собственного имени через предложение и словосочетание, б) узуализации смысла словосочетания в тексте, в) распределения объема смыслового содержания словосочетания, обозначающего один денотат, между его обоими конституентами. На эти словосочетания до некоторой степени распространяется тенденция к монофлексичности, отмеченная В. Г. Адмони для именных словосочетаний из народно-сказочных текстов [7], например: *die Prinzess...*, *Willwischen/Prinzessin Willwischen* (Cl. Brentano). Однако такого выраженного, тесного, гомогенного взаимопроникновения границ слова и словосочетания, которое отмечает в фольклорных текстах А. Т. Хроленко (типа гуси-лебеди, Калин-царь), проявляющегося в словоизменении группы из двух существительных, в наших примерах нет [8]. Это, как нам представляется, тоже определенным образом характеризует семантико-прагматическую структуру словосочетания и через него — весь текст.

Словосочетание рассматриваемого типа, характерное для текстов немецких литературных сказок, осуществляет еще одну важную функцию, связанную с антропонимизацией их персонажей — зверей и предметов. Форма словосочетания, в состав которого входит конституент — нарицательное существительное с собой антропонимичности, играет значительную роль в процессе контекстуального перевода слова в разряд не только сказочных одушевленных, но и человекоподобных, говорящих персонажей. Словосочетание в данном случае компенсирует невозможность для немецкого языка передать сему антропоморфности денотата при помощи одних графических средств, как это делается в текстах русских, английских и прочих сказок, как

народных, так и литературных: «Вдруг поднялся сильный *вихрь* — и что боже мой! схватил царицу и унес неведомо куда. <...> ...Ищу свою матушку, пошла она в зеленом саду погулять, как поднялся *Вихрь* и унес ее неведомо куда...» (А. Н. Афанасьев) — пример из народной сказки; So she was considering, in her own mind... when suddenly a white *rabbit* with pink eyes ran close by her. There was nothing so very remarkable in that; nor did Alise think is so very much out of the way to hear the *Rabbit* say to itself ... (L. Carroll). Тематизируясь в тексте, имена персонажей, имеющих черты антропоморфности, пишутся с прописной буквы, переходят в разряд окказиональных имен собственных. Написание их с прописной буквы есть графический маркер нового их значения, который настраивает читателя на прагматику вымысла. В немецком языке, с его нормативным правописанием всех существительных с прописной буквы, графическая актуализация семы антропоморфности невозможна, ее осуществляет словосочетание за счет конституента — нарицательного с соответствующей антропоморфичной семантикой.

Итак, сама модель, конструируемость имени собственного окказионального, а также антропонимизирующее денотат имя нарицательное в составе словосочетания с окказиональным собственным — это языковые средства, без которых трудно представить себе целый текст литературной сказки. По данным средствам можно судить об основных законах ее текстообразования, связанных с передачей и переключением в рамках целого текста его блоков с прагматикой реальности и вымысла. Они представляют собой знаки, в которых просматривается соответствие плана выражения плану содержания, так как текст литературной сказки конструирует ситуацию, безусловно, игровую для художественных текстов XIX и XX веков, ситуацию, когда говорящий субъект должен описать ряд предметов известного ему мира и произвести акт номинации этих предметов. Субъект, создающий текст литературной сказки, предстает не только оперирующим готовыми узуальными словами и моделями слов, но и как творец, моделирующий новые образцы формально-семантических связей на уровне слов и словосочетаний. «Взрывоопасность» реального мира, изображенного в данных текстах, возможность вмешательства пространственно-временных законов фантастического мира, открытость жанра литературной сказки различным экспериментам и метаморфозам в миниатюре представлена системой окказиональных имен собственных и их словосочетаний, противопоставленных по способам образования и по семантике системе узуальных имен. Эти неузуальные элементы текстообразования выводят восприятие текста из привычного автоматизма. Так и можно определить их функцию в литературно-сказочном текстообразовании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985. С. 209—221; Арутюнова Н. А., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 17.
2. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. С. 86—93; Fleischer W. Wortbildung der deutschen Sprache. Leipzig, 1969. S. 184.
3. Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л., 1985. С. 37.
4. Gilcenok N. L. Textbildende Potenzen des Wortbildungsmodells im künstlerischen Text // Kommunikative Aspekte des Textes: Potsdamer Forschungen. Potsdam, 1986. Reihe A., H. 78. S. 70—77.
5. Fleischer W. Op. cit. S. 184.
6. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973. С. 211.
7. Там же. С. 217.
8. См.: Хроленко А. Т. Границы слова в фольклорном тексте // Проблемы структурной лингвистики — 1983. М., 1986. С. 215—227.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

И. И. КОВАЛЕВСКАЯ

Орехово-Зуевский пединститут

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АДЪЕКТИВНО- ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ

(на материале французских прилагательных размера)

Описывается синтагматика прилагательных размера в их прямом номинативном значении. Сочетаемость прилагательных с именным компонентом позволяет уточнить и дополнить традиционные рубрикации имен существительных и их валентные связи.

Анализ синтагматических связей прилагательных размера в их прямых номинативных значениях позволяет уяснить некоторые условия реализации ими отдельных значений, а также особенности содержания последних. В ходе исследования обнаружилось, что признак «пространственная характеристика» в различных его модификациях не является элементом значения исключительно прилагательных. Напротив, как «качественная» характеристика объекта указанный признак входит также в содержание имени объекта, материального предмета [1]. Именно сами эти объекты мыслятся как большие или малые, длинные или широкие, плоские или объемные и т. д. В связи с этим анализ функционирования прилагательных размера на уровне синтагматики потребовал уточнения и дополнения традиционных классификаций имен существительных. В ходе нашей работы выяснилось, что прилагательные анализируемой ЛСГ реали-